

Петр Мамонов на «Острове» Павла Лунгина



(RFE/RL) Петр Мамонов - музыкант и актер

Мумин Шакиров 26.06.06

Режиссер Павел Лунгин пригласил на съемочную площадку фильма «Остров» Петра Мамонова, актера, в прошлом лидера рок-группы «Звуки Му». Много лет назад музыкант снялся в дебютной картине Лунгина «Такси-блюз». Петр Мамонов – коренной москвич, человек-загадка, живет больше десяти лет отшельником в деревне Ревякино. Выбирается в город лишь изредка, когда одолевает соблазн сыграть очередной моноспектакль в Театре имени Станиславского. Он редко дает интервью. Мы с моим коллегой из Варшавы Зигмундом Дзеньчоловским застали Мамонова поздно вечером на пляже гостиничного комплекса «Жемчужина» после премьеры фильма «Остров». Разговор происходил на берегу моря, на фоне пения русской фольклорной дивы Пелагеи. Говорить первым начал сам Петр Мамонов: «Собрались совершенно разные люди. Вдруг Господь промыслом своим, как я это понимаю... Вот меня здесь все хвалят: "Ой, Петр Николаевич, как вы сыграли!" Да, я осознаю, что Бог дал мне талант, что я человек талантливый, необычный, неординарный, все это я осознаю, но это – дар, то есть даром. Мое дело – хранить это, жить как можно более чисто, чего не получается совсем. Но там вот эти 40 дней – это было сплошное счастье. Трудная работа на ветрах, но счастье, когда люди, разные совершенно и по убеждениям, и по духу, и по жизни, и по всему, вдруг объединились, шелуха вся с них слетела – и мы стали снимать что-то совсем не то, что мы придумали заранее.

А вы долго думали дать ли согласие работать в этом проекте?

Да, очень долго. А у меня очень все просто. Ко мне вера пришла поздно в 45 лет, до этого я метался, гонялся, водку пил, то, се, да тем более еще с талантом – это, знаете, метет, аж прямо туда-сюда. Потом вдруг – как обухом. Вера – это всегда дар Божий, это не натужишь и поверишь, там не бывает. Пошло дело потихоньку. Уже 11 лет, как я в этом. Поступило такое предложение, Павел Семенович позвонил и говорит: "Петенька, без тебя не буду снимать это кино, только ты нужен". Я говорю: "Паш, не-не-не, я это... Что ты, святого старца?.." А потом думаю: а что я своим помраченным разумом решаю? У меня есть духовный отец, наш сельский батюшка, я к нему, говорю: "Так и так, мне – святого старца, а я... вы знаете жизнь мою". Я же исповедуюсь, все. Человек я грешный. Он говорит: "И не думайте, это ваша работа. Вперед!"»

Краткий пересказ содержания фильма «Остров» из каталога «Кинотавра»:
«Драма. Вторая мировая война. Баржу, на которой Анатолий и его старший товарищ Тихон перевозят уголь, захватывает немецкий сторожевой корабль. Вымаливая пощаду у немцев, Анатолий, которого играет Петр Мамонов, совершает предательство - расстреливает Тихона. Немцы оставляют труса на заминированной барже, но благодаря помощи монахов, проживающих в островном монастыре ему удается выжить... Проходят годы. На острове старца Анатолия почитают за праведную жизнь и поистине чудесную помощь, которую он оказывает приехавшим сюда людям. Однако страшный грех убийства, совершенный им во время войны, не дает покоя. Чувствуя приближение своей кончины, Анатолий готовится к смерти и пока не знает, что скоро будет прощен».

Говорят, что эта история, может быть, несколько автобиографична.

А это всегда так говорят, когда роль удается. Говорят, что актер сыграл себя. Что это значит? Попробуйте-ка сыграть себя! Просто я, как сейчас выражаются, в теме. Я верю в Господа, стараюсь изменить жизнь свою, падаю, спотыкаюсь, опять встаю, опять падаю тысячу раз на день. Но для меня другого пути нет уже, я человек взрослый, мне 55 лет. Для меня уже шансов нет, уже все, я в это сто процентов верю. Это что, мне сказать: «Нет, все это чушь, выдумки, сказки, Бога нет, давай я обратно буду жить»? Конечно, нет, когда я знаю опытно, что есть Господь, как он помогает, я уже испытал на себе помощь Божью, благодатные его силы и прочее.

А вы можете отстраненно посмотреть на свою работу, что получилось, а что нет?

Могу, могу, на то я и художник. Знаете, очень удачно тот же Антоний Сурожский об этом пишет, что когда художник – человек верующий – начинает петь песни или рисовать картины про Бога, это, как правило, фальшивка. Пусть он работает, как хочет, по своей интуиции, его вера и Бог в нем всегда каким-то образом будет. Вот это очень разумная вещь, очень для меня важная, и она мне попала как раз вовремя, когда я об этом размышлял, я думал: не грешно ли вообще все это дело? Ну, это так...

Я, на это, со стороны глядя, скажу, мне всегда очень нравится, я считаю признаком мастерства робость и как бы неуверенность художника, будь то режиссер, актер, живописец, певец. Вот такое мне рассказывали о Высоцком, что он, будучи уже мастером, на съемочную площадку каждый раз приходил как будто в первый раз, робко. Это – признак силы. В этом фильме, что я очень люблю, это было и в работе над ним, и в результате это проявилось. Это очень робкий фильм, как вы обратили внимание, там никакой нет этой нахальной уверенности, что вот это так. Как, знаете, есть дурачье такое, что вот только православие, а остальные все – погибнут, католики погибнут, все погибнут. Это чепуха! Откуда такое? Ты веруешь – очень хорошо, для тебя вот это Бог есть – все, хорошо, и не суйся дальше. И вот эта робость в этом фильме видна...

И, в первую очередь, порадовал меня режиссер, потому что я его знаю давно, мы с ним работали над фильмом «Такси-блюз», и после этого он сделал много кино такого, скажем прямо, всякого (вы понимаете, о чем я говорю), поэтому я шел с большой опаской на это дело. Начал с того, что какие-то свои условия стал ставить. Ну, гордость, грехи наши – думаешь, что ты все понимаешь, а он – нет. Одно из имен дьявола – Разделяющий, поэтому когда люди разделены на каком бы то ни было основании, один считает твердо, что он прав, а вот другой считает, что он прав, и вот они разделены – не правы оба. Вот на этом фильме, на этой работе, в этом кино нет вот этого разделения. Есть некоторая робость и недоумение перед тем, что же мы такое сделали, что же такое получилось. Поэтому никакой настырности нет, и зрителю есть место, куда ему идти. Понимаете, о чем я говорю? Это очень важная для художника вещь – высказать свою позицию, но чуть-чуть недоговорить, не до конца, оставить место слушающему, читающему, смотрящему, чтобы он пошел. Если я все сказал, как вот эти все умники, я их всех закинул на полку – Бергмана, Тарковского, Годара, всех на чердак, потому что они мне настырно настаивают свое мнение. Да зачем оно мне надо?! Искусство же – одни вопросы.

Скажите, а такая картина, она ко времени сейчас, в этом циничном мире?

Я считаю, очень ко времени. Потому что мир совершенно не таков, как вы говорите. Я вам дам очень хороший образ. В троллейбус входит пьяный хам – и кажется, что ехать невозможно. А остальные-то 40 человек сидят тихо и едут. Вот таков и наш мир сейчас. Кажется, что невозможно жить, а люди встают в семь утра и идут работать, и кормят детей, спокойно все делают, тихо, их не видно, мы их не видим. Поэтому этим людям очень тяжело и трудно жить. Поэтому я от них пришел к вам, я им хочу подпорку дать, подпорочку или маленький костылик, уже не знаю, как сказать. Я вот депутат от них, от той девочки, которая за 5 тысяч рублей в месяц в троллейбусе проверяет билеты на 30-градусном морозе целый день: «Ваши билетики? Ваши билетики?..». Вот я от них.

К Петру Мамонову обратился Зигмунд Дзеньчоловский: «Мне кажется, что человек, который согрешил так, как ваш герой, вряд ли попытается искупить свой грех. Жизнь устроена так, что, скорее всего, он скатится еще ниже. Мне кажется, что человек, который живет с таким грехом, или он вообще о нем не думает, или он скатывается все ниже и ниже, и ворует, и снова убивает.

Отвечу вам цитатой, чтобы не быть таким самонадеянным. Ефрем Сирин, IV век: «Церковь – это толпа кающихся грешников». Вот что такое церковь. Все наши грехи в море милосердия Бога – как горсть песка. Поэтому Господь всех принимает и всех прощает – и убийцу, и самых страшных, только если сердце наше поворачивается не на 20 градусов, а на все 180. В жизни это происходит сплошь и рядом. И со мной это произошло, перед вами сидящим. Поэтому я с такой уверенностью об этом говорю. Я натворил очень много дел всяческих, и мое сердце повернулось ко Христу на 180 градусов, и Господь мне все просил и залил любовью. И я обезоруженный, в изумлении стою.